ISSN 0042-8779

ВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4

2015

820384

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2015 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

П 22 2
1427

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

С.В. Рыбаков — О смысловой структуре понятия «история» 18

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В.В. Вяткин — Иван Иванович Мелиссино 26

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.А. Пелевин — Казус Засулич 41

ПУБЛИКАЦИИ

Мировая война глазами поручика. Публикацию подготовил **Л. Степаненко** 62

СООБЩЕНИЯ

И.В. Чемоданов — Вятское крестьянство в годы первой мировой войны 74

Выходит с 1926 года

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» МОСКВА

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА С.-Петербург
03 20 15 экз 826

А.А. Чирков — Военные комиссии в Государственной думе III и IV созывов 89

А.В. Гринёв — Классификация кораблей Российско-американской компании (1799—1867 гг.) 108

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Т. Наджафли — Взаимоотношения Азербайджанского государства Сефевидов с Россией в XVI—XVII вв. 122

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Г.Л. Арш — К вопросу об оценке Ламброса Кацониса в историографии 137

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Р.Ю. Почекаев — А.И. Бутаков и Аральская флотилия в конце 1840-х — начале 1860-х гг. 142

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

П.Н. Гордеев — Революционная цензура на сцене государственных театров в 1917 году 151

И.В. Ковтун — Открытие каменного угля в Кузбассе в 1720-х гг. 160

Ф.А. Озова — Роль института аманатства в черкесско-русских отношениях в 1552—1864 гг. 166

ИСТОРИОГРАФИЯ

И.Н. Гребенкин — Первая мировая: взгляд из окопа 172

Ю.Е. Ивонин — Утрехт-Раштатт-Баден 1712—1714. Работа по заключению европейского мира в конце века Людовика XIV 174

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Вопросы истории», 2015

Казус Засулич

Ю.А. Пелевин

Демонстрация-панихида. После беспрецедентного суда присяжных накал общественного недовольства усиливался. Для интеллигентских образованных кругов в казусе Засулич проявились язвы русской жизни: с одной стороны, бюрократическое управление и произвол сопричастников царской власти, а с другой, — бесправие и безгласность подданых российской империи. Стала очевидна недовершенность преобразований Александра II.

В день оправдания Засулич, по убеждению Аптекмана, «русское общество впервые показало, что оно может не бояться открыто заявлять свои желания и симпатии» [1]. В подпольной прокламации говорилось, что происходит «только начало, только первый самостоятельный шаг ребенка – нашего общества. Если бы оно обладало большим запасом гражданского мужества и имело более гражданского развития, 31 марта кончилось баррикадами» [2].

Антиправительственные настроения распространились, главным образом, среди студенчества и либеральной разночинской интеллигенции. «Чересчур мирная тактика, — писал Русанов, — шла вразрез со все более и боле боевым настроением, овладевшим тогда русской молодежью отчасти заражавшим, хотя и в смягченной форме, даже русское общество... Революционное чувство в молодежи и фрондирующее настроение в обществе вспыхнули ярким пламенем» [3]. Лев Дейч также констатировал: «Оправдание присяжными заседателями Веры Засулич вызвало, как известно, всеобщий восторг и ликование. Вместе с тем, это совершенно неожиданное событие до неимоверных пределов подняло в обществе престиж решительных, неустрашимых борцов: вчерашние ярые их противники, не находившие слов для выражения своего негодования против «сумасбродных отщепенцев», после оправдания В. Засулич рассыпались в похвалах по адресу “нашей чуткой, самоотверженной молодежи”» [4]. «Со времени выстрела Веры Засулич, — писал Николай Морозов, — русское общество, каза-

Окончание. Начало см.: Вопросы истории. 2015. № 1–3.

лось, воспрянуло от своего непробудного сна. Отзывчивая, как всегда, учащаяся молодежь заволновалась во всех учебных заведениях» [5].

«Оправдательный вердикт присяжных довел общий восторг до кипения» [6], — вспоминал Короленко. По его оценке, дело Засулич было таким событием, которое «хоть на время изменяет установившееся соотношение сил». «Казалось, начинается какое-то слияние революционных течений с широкими стремлениями общества» [7]. «Свобода в Петербурге, — отмечает Тихомиров, — наступила необычайная. Сходки происходили невозбранно, демонстрации — почти невозбранно» [8].

Сочувствие либеральных кругов Засулич, нерешительность блюстителей порядка во время стихийной демонстрации у здания суда, успешное сокрытие террористки, осмелевшие газеты, выражавшие недовольство правительством, открытые студенческие сходки, обличающие власть имущих — все это порождало в подполье уверенность в слабости правительства и надежды на поддержку широкими общественными кругами революционизма. Уже виделся новый период в российском освободительном движении. Казалось, интеллигентские и культурные слои столицы вышли из безмолвной пассивности и сделали шаг к активным протестным выступлениям.

Лев Тихомиров писал позднее в записке о революционном движении: «Либеральная публика держала себя так, что революционеры не могли не думать, что она им сочувствует». Весна 1878 г., по его воспоминаниям, в революционеров вселила уверенность, что «правительство может растеряться и уступить» и что «либералы могут революционеров серьезно поддержать». При этом он оговарился: «Я не обсуждаю вопроса о том, насколько подобная уверенность имела основательности, а отмечаю лишь факт ее» [9].

Казалось, события приобретают революционный оборот. По воспоминаниям Засулич, Сергею Кравчинскому, находившемуся заграницей, «сквозь призму иностранных газет и собственного воображения мое оправдание и последовавшие затем демонстрации показались началом революции» [10]. И он срочно отправился в Россию. Лев Толстой, относившийся с осуждением к прецеденту Засулич, не исключал радикальных последствий. Вглядываясь из Ясной поляны в происходящее в столице, он полагал, что «засуличевское дело не шутка. Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей недаром. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное. Славянская дурь была предвестница войны, это похоже на предвозвестие революции» [11].

В либерально-демократических кругах осознавали, что в случае Засулич революционеры отстаивали «права человека и гражданина», выступали против самодержавного насилия за те общечеловеческие ценности, которые нужны всему российскому социуму. После суда «еще определеннее почувствовалось, что нельзя далее так жить, — утверждал Голоушев, — что либо само общество должно проснуться и заявить свой протест против гнета власти, придавившей в стране жизнь, либо за Верою Засулич придут такие же другие, но уже организованные и гораздо более сильные» [12].

В петербургском кружке либералов-конституционалистов, собиравшемся у В.И. Вернадского [13], бывшего издателя «Экономиста»,

выражали общее сочувствие Засулич, начиная от губернатора С.-Петербургской губернии И.В. Лутковского до сотрудника «Нового времени» и других газет историка И.Д. Беляева [14]. Они ждали перемен.

Свободомыслящие интеллигенты, группировавшиеся вокруг видного народнического публициста Н.К. Михайловского полагали, что выстрел Засулич «кладет начало целой новой полосе революционной деятельности подпольных партий, и много надежд повсюду возлагалось на эту полосу» [15]. В «Летучем листке», набранном в нелегальной Вольной русской типографии, где печаталась газета «Начало», Михайловский [16] назвал 31 марта «навсегда памятным днем в русской истории» и выдвигал лозунги «конституции и земского собора». «Историческое движение задержать нельзя, — уверял он. — Общественные дела должны быть переданы в общественные руки. Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности. И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории!» Ибо факты, по мнению автора, «свидетельствуют о бессилии правительства» [17]. По мнению историка Ш.М. Левина, «"Летучий листок" Михайловского, отражая напряженную обстановку того момента, предлагал как бы платформу для объединенных стремлений революционных элементов и либерального общества» [18].

В либеральных кругах с новой силой заговорили о политических требованиях и демократизации общества. М.П. Драгоманов разразился памфлетом «За что старика обидели и кто его обижает?», напечатанном в журнале «Община» и вышедшем вскоре отдельной брошюрой. Драгоманов считал, что начавшиеся террористские акты и в первую очередь покушение Засулич — явления политические, хотя в большой степени еще бессознательные для самих революционеров. Он предсказывал большую будущность новому движению, именно оно «завоюет для России политические свободы и конституцию» [19].

Повышенная общественная активность и замешательство в правительственных сферах подталкивали землевольцев к организации массовой протестной акции, к большой общегородской манифестации, в которой явственно выразились бы массовые антиправительственные настроения.

На следующий день после освобождения Засулич в аудитории Медико-Хирургической академии состоялась громадная сходка студентов разных учебных заведений. Было решено провести демонстрацию памяти Сидорацкого, и долго обсуждался вопрос о ее форме — вооруженной или мирной. Большинство склонилось ко второму варианту [20].

Участие в акции самой виновницы всеобщего возбуждения было, конечно, невозможно. Веским поводом для публичного выступления могли послужить похороны Сидорацкого. «Хотя никто из радикалов, — по уверениям Льва Тихомирова, — не верил в то, что его убили, и все убеждены были в самоубийстве, тем не менее, затеялась демонстрация в честь "жертв насилия"» [21].

Уличные похоронные шествия с покойным борцом успешно использовались и раньше. Полиция прекрасно знала о подобных акциях, потому распорядилась поспешно и тайно похоронить Сидорацкого во избежание эксцессов. Тогда решили отслужить по нему панихиду во Владимирской церкви. Назначен был и день — 5 апреля 1878 года.

Демонстрацию-панихиду организовывали Александр Михайлов и Георгий Плеханов. Михайлов в тюремном письме к товарищам, в котором перечислял свои наиболее яркие революционные дела, не преминул упомянуть: «Участвовал в организации демонстрации на Владимирской улице 7 апреля (следует: 5 апреля. — *Ю.П.*) по поводу убийства Сидорацкого» [22]. Он в это время вел пропаганду среди старообрядцев в Саратовской губернии и только по газетам мог следить за бурными перипетиями в Петербурге, но «был убежден, что в скором времени предстоят еще более крупные события, — как писал в мемуарах Плеханов. — Он не вытерпел и в начале апреля уже мчался в Петербург, чтобы принять участие в тамошних волнениях» [23].

На квартире адвоката А.А. Ольхина Михайлов и Плеханов составили прокламацию [24], ставшую одним из первых произведений Георгия Валентиновича [25]. В листовке, отпечатанной в той же Вольной русской типографии, провозглашалось: «Пролог начался. Общество не должно, оно не может долее молчать... когда над общественным мнением издеваются так нагло, так открыто. Всякий, кто не за правительство, в подобных случаях должен быть против него. Все общество должно было так или иначе, в той или другой форме выразить свой протест против варварской администрации. Мы приглашаем учащуюся молодежь, приглашаем все партии, кроме партии кнута и палок, соединиться в одном общем и дружном натиске для приобретения своих издавна попираемых человеческих прав» [26].

Сближение землевольцев с либеральной буржуазной интеллигенцией происходило на почве отстаивания политических требований. Для землевольцев это было новое, по выражению В.А. Твардовской, «ненародническое» настроение [27]. По программным установкам «Земля и воля» отвергала политическую борьбу с самодержавием за демократизацию общества, так как результатами такой борьбы, в первую очередь, воспользуется буржуазия, а не народ. Глобальная цель землевольчества — народная революция. Но при готовящейся демонстрации на повестку дня выдвигались требования «известных гарантий свободы и самоуправления» [28]. А Вера Засулич причислялась «к числу немногих светлых имен мучеников за свободу и права человека» [29]. В данном историческом контексте она понималась как зачинательница демократического движения в стране.

Собирать рабочих не стали, памятуя о неудачной Казанской демонстрации в 1876 г., на которую пролетарии явились в слишком малом числе. Поступили по-другому: публика сзывалась на демонстрацию-панихиду по отпечатанным пригласительным билетам [30]. В составлении текста приглашения, скорее всего, также участвовал Плеханов. Билет начинался без обиняков: «В достопамятный день 31 марта убит жандармами наш товарищ — социалист Григорий Сидорацкий» и указывалось место и время проведения акции в его память [31]. Билеты рассылались по всему Петербургу, но никто и не подумал помешать сбору демонстрантов [32].

О предстоявшем действе заблаговременно дали знать в Москву, откуда прибыло несколько революционеров, в том числе Лев Тихомиров, признававшийся в мемуарах: «Запахло нам чуть не революцией» [33].

5 апреля ранним утром землевольцы Адриан Михайлов и Александр Квятковский осмотрели площадь у собора. Здесь происходило

странное движение: отряды городовых и военных, конные и пешие жандармы проходили через площадь и скрывались в воротах ближайших дворов. «Тротуары заполнялись группами дворников, очевидно, стянутых с других мест Питера» [34]. Ожидали побоище или еще худшего — арестов, суда и административных ссылок, как это было у Казанского собора. «Действительно, легко было предположить, — полагал Тихомиров, — что администрация примет вызов и воспользуется случаем очистить Петербург» [35]. Многие из демонстрантов решили явиться вооруженными.

Участие в публичном протестном выступлении считали рискованным не только либералы, но и радикалы. Например, П.П. Викторов, диссидент, примыкавший к землевольцам и специально приехавший из Москвы для участия в акции, «смалодушествовал и на демонстрацию не явился» [36]. Будущий писатель Владимир Короленко бросал со своим братом жребий, кому из них идти на Владимирскую площадь. Выпало младшему брату Иллариону. У них была договоренность: «если представится случай участвовать в каком-нибудь предприятии, сопряженном с опасностью ареста, то участвует только один, а другой остается «в семейном резерве»» [37]. Но Владимир не выдержал и все-таки присоединился с запозданием к манифестации. Правда, у него были свои интересы: он хотел на сборище встретить Евдокию Ивановскую, к которой испытывал сердечные чувства. И встретил, и проводил до дома. А много позже она стала его женой. Видимо, по этим обстоятельствам сама демонстрация слабо отложилась в его памяти, и он столь кратко написал о ней в мемуарах.

Численность демонстрантов, по газетному отчету «Начала», определялась в две-три тысячи человек [38]. По воспоминаниям Тихомирова, около Владимирского храма собралась народу в тысячу человек, «еще более любопытных толпилось на противоположной стороне Владимирской площади» [39].

Среди собравшихся на демонстрацию-панихиду были «люди весьма солидного общественного положения, все это давало повод думать, что русское общество начинает терять терпение и готово серьезно протестовать против произвола правительства» [40]. «“Господа, смотрите же — не выдавать “студентов”, — распоряжались разодетые “либералы”. Но полиция никого не трогала» [41].

Высшие жандармско-полицейские чины оставались в замешательстве и не дали четких указаний уличным охранителям порядка, и те по своей инициативе ни во что не вмешались. «Правительство, насколько о нем возможно судить, по действиям администрации, — отмечал Тихомиров, — имело какой-то виноватый вид» [42].

По окончании панихиды было произнесено две речи на церковной площади. Первый выступавший говорил о кровавом событии, которым ознаменовалась смерть Сидорацкого. Закончил оратор словами «вечная память», все присутствовавшие сняли шапки и пропели похоронную песнь [43].

Вторым выступил студент Ветеринарного института Николай Лопатин, известный активным участием в петербургских стачках. Он «очень красноречиво поражал “деспотизм”, а пристав мирно разгуливал около него в толпе. Картины, какие не всегда можно увидеть и в Париже» [44]. Лопатин заявил, что общественный суд «оправданием

Веры Засулич положил клеймо позора на столь могучий недавно столп существующего порядка» [45]. И призвал митингующих: «Последуем же примеру Засулич и будем сами расправляться с притеснителями нашими, так как ожидать возмездия для них от правительства не приходится. Да здравствует Засулич! Да здравствует суд присяжных!» [46] Александр Михайлов, присутствовавший на демонстрации, «сдерживал оратора от излишнего увлечения» [47].

Толпа медленно потянулась по Невскому проспекту, тут начали появляться конные войска, державшиеся поодаль в двухстах-трехстах шагах. До Невского и в начале Литейного демонстрация была «все-таки довольно густа, но далее стала смешиваться с безразличной толпой, хотя все еще местами привлекала удивленные взгляды встречной публики» [48].

Все действо прошло мирно, без каких-либо неприятных происшествий. «Полиция и спрятанные в ближайших домах ее резервы, однако, не прибегли к насилию, — отмечал Михайлов, — и демонстранты разошлись спокойно, провожаемые толпой народа, ожидавшей чего-то необычайного» [49]. Арестов тоже не последовало.

Позднее все-таки выслали нескольких студентов, принимавших активное участие в манифестации. Лопатин был сослан в Архангельскую губернию, а оттуда в Восточную Сибирь.

Демонстрация-панихида у Владимирской церкви — во многом характерное общественное явление того времени, оставшееся вне поля внимания историков. Это было самое крупное по численности выступление 1870-х гг., во много раз превосходившее знаменитую Казанскую демонстрацию, и единственный прецедент в позапрошлом веке, когда интеллигентское общество осмелилось хоть в какой-то степени выразить публично и гласно свое осуждение государственной власти.

Владимирская манифестация стала попыткой единения революционного и либерального лагерей в общем активном действии. Первая попытка, но, увы, последняя. Альянс не сложился. Либеральное общество сколько-нибудь серьезных надежд революционеров не оправдало [50].

«Людей “из общества”, готовых выходить на улицу, — подводил итоги Тихомиров, — оказалось слишком мало. “Передовые” имели достаточно здравого смысла, чтобы понимать, когда и в какой мере это можно делать... Многие остались дома только потому, что прослышали о револьверах революционеров. Они понимали, что при открытом бунте, который бы заставил правительство выйти из упорного миролюбия, они будут в два часа или в два дня стерты с лица земли» [51].

«Одна ласточка “не сделала весны”, — констатировал Плеханов. — Энергия петербургского общества истощилась в очень короткое время; газеты не дотянули начатой ими либеральной ноты, и скоро все вошло в обычную уныло-казенную колею: социалистам оставалось только примириться с новым разочарованием». Александр Михайлов, обманувшись в надеждах, «махнул рукой на петербургскую “революцию”» и возвратился к своим раскольникам [52]. Позднее в следственных показаниях 1882 г. он, пытаясь скрасить скромные результаты демонстрации, писал, что «у собравшихся было желание за-

явить сочувствие суду присяжных, привет его независимому приговору и порицание администрации, своим вмешательством вызвавшей печальный факт (смерти Сидорацкого. — *Ю.П.)*» [53].

Когда начались очередные аресты и высылки «радикалов-злоумышленников», «"передовая часть общества" сочла лучшим ограничиться эксплуатацией чужого революционного движения, не путаясь в него самолично» [54], — справедливо отметил Тихомиров.

Но главное в другом: либералы и революционисты расходились в понимании целей и задач общественного противоправительственного движения. Если первые считали первоочередной необходимостью демократизацию общества, реформирование самодержавной системы правления и введение представительных органов власти, то революционные народники намеревались путем всеобщего крестьянского восстания смести самодержавие и потом уже вводить народные формы государственности, по Достоевскому, «желали получить весь каптал сразу».

Тенденция «Земли и воли» на совместные действия с широкими либеральными кругами не получила дальнейшего развития, да и не могла получить. Землевольцы всегда относились к либералам с пренебрежением. Демонстрация 5 апреля воочию показала, что в обществе нет массового движения, которое могло бы предъявлять реальные требования царскому абсолютизму. В революционном народничестве возобладало другое направление — террористское.

Правительственные меры. Многочисленные акции, связанные с казусом Засулич, в том числе и невиданная по масштабам демонстрация «неблагонамеренных лиц» у Владимирской церкви всерьез озаботили царское правительство. 17 апреля, в день рождения государя императора, после торжественной обедни состоялось совещание высших сановников. «Дело шло, — записал в дневнике Милютин, — опять о принятии решительных мер против революционных замыслов, все более и более принимающих дерзкий характер... Предлагались разные крутые меры: усиление и систематизирование административной высылки (Мезенцов), закрытие некоторых учебных заведений (граф Пален), дошло даже до того, что произнесено было слово: объявить Петербург на военном положении!!» [55] Но никаких конкретных мер для пресечения диссидентского движения совещание так и не выработало.

С другой стороны, не было проведено и расследование противоправных действий должностных лиц в ДПЗ по избиению политзаключенных. Несмотря на явную незаконность факта, ни Трепов, ни исполнители не были привлечены к ответственности. «Надо заметить, — справедливо указывал юрист-законник Кони, — что в Англии, да и во всякой свободной стране, злоупотребление Трепова давно уже вызвало бы запросы в палате, оценку по достоинству в печати и, вероятно, соответствующее взыскание или, по крайней мере, неодобрение правительства» [56]. В самоуправной России такого не могло быть. Правда, Трепова, как одиозную фигуру, Александр II впоследствии отправил в отставку.

Между тем, жизнь царского двора, которая определяла жизнь страны, продолжалась по-прежнему: с борьбой за влияние на государя, интригами, наушничеством, коррупцией, мздоимством с «вверенного населения» и ненавистью к нигилистам, которые только ме-

шали благотворным деяниям правительств. И все это по мановению единоправного монарха, обремененного государственными делами и трудностями личной жизни — многочисленными детьми, нелюбимой женой и любимой любовницей. В Зимнем дворце полагали: слава Богу, что мудрая монархическая власть простирается над благословенным российским народом. Совершенство социума и управление подданными после целого ряда реформ уже достигнуты, разве что нужно увенчать прогрессивные преобразования неким подобием конституции, не ограничивающей, впрочем, единодержавной власти. Но это лишь проекты на неопределенное будущее. Но в стране зреет недовольство, происходят злонамеренные волнения, ширится круг беззаконников, упорствующих в преступных и пагубных убеждениях. И управленческая элита вынуждена искать средства упрочить самодержавный порядок, подавить любое протестное движение. В этих поисках, разумеется, никакая демократизация общества не допускалась. Курс был взят, как всегда, на усиление репрессий.

Правительственные верхи, разгневанные столь неожиданным и неприятным оборотом дела Засулич, прибегли к карательно-усмирительным мерам, уже не считаясь ни с какой законностью. «Тот факт, что императорская власть оказывается неспособной управлять на основе существующих обычных законов, — писал выдающийся историк П.А. Зайончковский, — что возникает потребность в принятии мер, нарушающих эти обычные законы, говорит о наступлении кризиса самодержавия, неспособного в данный момент управлять старыми методами» [57].

Лакмусовой бумажкой новых репрессивных тенденций помимо законодательных норм стала расправа с подсудимыми по «Процессу 193-х», закончившегося 23 января, за день до выстрела Засулич. Особое присутствие Правительствующего сената «вынужденно было под давлением общественного мнения воздержаться от сурового возмездия и вынести относительно мягкий приговор» [58]. Лев Тихомиров, судившийся по этому процессу, считал, что «с тех пор как Россия существует, никакой суд не выносил более независимого приговора» [59]. Этого мало, после объявления приговора сенаторы ходатайствовали перед государем об облегчении участи подсудимым — замене для всех, осужденных к каторге, ссылкой на поселение. Подобные ходатайства по установившейся традиции всегда удовлетворялись государем. Однако шеф жандармов Мезенцев и министр юстиции Пален убедили Александра II отклонить сенатское прошение [60]. В специальном докладе на высочайшее имя III Отделение опротестовывало приговор, так как заведомо «преступные лица» были оправданы лишь потому, что улики против них оказались недостаточными [61]. В итоге государь не только не смягчил приговор, но ужесточил его: «наказание, определенное Сенатом «главным зачинщикам», было повышено несколькими степенями, а ссылка в Сибирь на поселение заменена каторжными работами» [62]. С санкции Александра II подсудимые, оправданные судом, многие из которых уже просидели в тюрьмах по два-три года и уже отпущенные на свободу, подлежали задержанию и административной ссылке на Север или в Сибирь под надзор полиции. Это стало ответом на выстрел Засулич.

Теперь по волеизъявлению Александра II жандармерии также предоставлялось право высылать всех лиц, которые показались ей опас-

ными. Ссылались «административным порядком в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири для водворения по его усмотрению в местностях вверенного ему края на жительство под надзор полиции». Причем все это «без участия чинов прокурорского надзора», которым следовало лишь сообщать о принятом решении «для сведения» [63].

Жандармские постановления об административных ссылках принимались по упрощенной форме и крайне недобросовестно. Даже в тех случаях, когда заключение отправлялось к государю императору. «Дела велись в III отделении весьма небрежно, — констатировал государственный секретарь Перетц. — Как и понятно, они начинались почти всегда с какого-нибудь донесения, например, тайного агента, или записанного полицией показания дворника. Писаны были подобные бумаги большею частью безграмотно и необстоятельно; дознания по ним производились не всегда: если же и производились, то слегка, односторонним расспросом двух-трех человек, иногда даже почти не знавших обвиняемого; объяснений его или очной ставки с доносителем не требовалось; затем составлялась докладная записка государю, в которой излагаемое событие освещалось в мрачном виде, с употреблением общих выражений, неблагоприятно обрисовывающих всю обстановку. Так, например, говорилось, что обвиняемый — человек вредного направления, что по ночам он сходится, в преступных видах, с другими, подобными ему, людьми, ведет образ жизни таинственный; или же указывалось на то, что он имеет связи с неблагонадежными в политическом отношении лицами; далее упоминалось о чрезвычайной опасности для государства от подобных людей в нынешнее тревожное время и в заключение испрашивалось разрешение на ссылку, в административном порядке, того или другого лица. Бессодержательные докладные эти записки переписываемы были чрезвычайно красиво на отличной бумаге.

Естественно, что при таком образе действий происходили часто не только неосновательные или сильно преувеличенные предположения о виновности, но даже прямые, самые грубые ошибки; бывали случаи смешения имен, вроде следующих: Андрея Иванова принимали за Александра Иванова, Винберга за Вимберга, Власьева за Власова и т.п.» [64].

Значительная часть таких высланных устремлялась в бега, одни бежали с пути следования, другие с мест ссылки. И пополняли ряды революционного сообщества. Возможность остаться на свободе у них была только одна — скрыться от полиции переходом на нелегальное положение: обзавестись подложными документами и уйти в подполье. Перетц был прав, когда писал в дневнике: «Правительство посредством... ссылки в административном порядке, можно сказать, само распложало социалистов» [65], тот контингент, из которого пополнялись ряды террористов.

Правительство также пошло на усиление судебных мер по борьбе с политическими преступниками. По высочайшему указу от 9 мая 1878 г. все дела против должностных лиц изымались из ведения суда присяжных и передавались в Судебные палаты и Особое присутствие Сената. Для особо тяжких преступлений учреждался Верховный уголовный суд. В этих инстанциях находились всецело благонадежные

чиновники. Заведомо предрешенный карательный приговор был обеспечен.

На второй день после оправдания Засулич в кабинете министра возникла служебная записка о необходимости упорядочения уголовного положения. Именным указом дела о вооруженном сопротивлении властям, о нападении на военных и полицейских чинов войска, а также вообще должностных лиц при исполнении служебных обязанностей были переданы военным судам, *установленным для военного времени.* Виновные подлежали наказанию по статье 279 «Воинского устава о наказаниях», то есть смертной казни.

Военным судам политические дела были подчинены лишь по закону от 9 августа 1878 года. Но действовать они стали намного раньше. Дело о вооруженном сопротивлении при аресте кружка И.М. Ковальского в Одессе слушалось в местном военно-окружном суде 19—27 июля 1878 года. Военные служаки на судебном поприще были всегда готовы к предельно суровым приговорам, дабы искоренить крамолу. Южного «бунтаря», революционера-народника Ивана Ковальского приговорили к расстрелу. Это был первый смертный вердикт военного суда по политическим делам. Именно с процесса Ковальского началось в России более чем десятилетнее непрерывное военное судилище по делам о государственных преступлениях [66]. Далее приговоры к виселице будут множиться по всей стране. Шлюзы правительственного террора были открыты с целью затопить террористское подполье.

Революционный терроризм начался. Революционное народничество вступило в новую фазу: пропаганда сменялась терроризмом. Явственной гранью стал выстрел Засулич.

Публичное оправдание Засулич было воспринято революционерами как общественное одобрение терроризма, как признание права радикалов на экстремизм. «Присяжные отказались обвинять ту, которая решилась противопоставить насилию насилие» [67] — утверждалось в землевольческой листовке, то есть, по логике революционистов, присяжные, воплощавшие общественную совесть, дали согласие на вооруженную борьбу с правительством.

В этой связи характерно письмо народника Семена Ивановского своему одесскому единомышленнику. В письме отразились понимание революционной молодежью засуличевского процесса и общий подъем боевых устремлений: «Возьми хоть дело Засулич. “Нет, не виновна!” Что за драгоценные слова из уст представителей народа! А ведь еще состав-то присяжных был далеко не народный. “Не виновна!” Одно слово и все башибузукское царство приговорено к смерти. “Уничтожай всю опричнину”. Так говорит этот справедливый суд! “Уничтожай, и нет тебе вины!” Да! Боголюбов отомщен! Но отомщены ли все замурованные в централках, сведенные с ума и в могилу? Нет! Тут требуются не единичные силы, а общая, дружная работа всех нас, живых, для счета с этими разбойниками. Поступок Веры из единичного должен обратиться в коллективный и тогда-то он будет ценен!» [68]. Уже на второй день, после покушения на петербургского градоначальника в почтовый ящик III Отделение на Гороховой была подброшена многообещающая записка: «Собаке Трепову собачья и смерть!!! И вам Палены, Мезенцовы, Петерсы, Желиховские! Иуды» [69].

Иван Ковальский, руководитель подпольного кружка в Одессе, в прокламации «Голос честных людей» восклицал: «Смерть Трепову! Смерть другим подобным подлецам!!! Смерть!.. Их пора стереть с лица земли, и тогда восторжествует правда на земле, а теперь к этому уже идет время. Недаром два раза стреляли в самого государя императора Александра Николаевича — Каракозов и Березовский!... Уже не тот дух времени, какой был прежде, что уже настала фактическая борьба социально-демократической партии с этим подлым правительством — русских башибузуков. В самом деле, можем ли еще хладнокровно смотреть, как наши близкие друзья и единомышленники гниют по тюрьмам, по острогам; как самых лучших из нас вырывают сыщики и предают в руки правительства, а правительство душит нас и в конце разоряет народ? Нет, мы не допустим таких безобразий!.. Мы пойдем по следам наших лучших товарищей, мы пойдем по следам незабвенных героев наших» [70]. Такими героями автором прокламации объявлялись Каракозов и Засулич. Примечательно, что уже ставился на повестку дня вопрос о цареубийстве.

«Тяжкие кары, преследовавшие пропагандистов, — пишет Прибылева-Корба, — довели негодование против правительства и ненависть к нему до большого напряжения. Но раздался выстрел Засулич, и все почувствовали облегчение, что найден путь из безвыходного положения, найдено средство от душившего всех кошмара» [71]. «Все», о которых говорит мемуаристка — это те, кого она причисляла к революционному лагерю, а найденный путь — терроризм. Экстремистски настроенные народники, такие как Морозов и Кравчинский, решили, что «способ действий нам придется сделать теперь несколько более революционным, особенно после Веры Засулич, показавшей нам путь». Морозов, будущий теоретик подпольного терроризма, вспоминал: «После выстрела Веры Засулич я инстинктивно чувствовал, что центр революционной деятельности переносится в города и что пропаганда среди крестьян... не принесет ожидаемых результатов» [72]. Кравчинский, убивший через несколько месяцев шефа жандармов, восторженно уверял, что покушение на Трепова «имело огромное значение в развитии терроризма. Оно озарило его своим ореолом самопожертвования и дало ему санкцию общественного признания» [73].

Выстрел Засулич, констатировал Лев Дейч, «послужил сигналом к длинному ряду происшедших в разных местах... насильственных актов. Вполне справедливо, поэтому, называют Веру Засулич родоначальницей террористической борьбы в России» [74].

Народнический терроризм, однако, возник отнюдь не по мановению засуличевского револьвера. Идея вооруженного противодействия царской власти вызревала давно, но не носила целенаправленного и идейно осмысленного характера. Правительственные репрессии постоянно подталкивали наиболее активных народников к отпору с оружием в руках жандармам и полиции. На первых порах революционеры стали оказывать сопротивление при арестах, устраивать вооруженные освобождения своих товарищей, убивать предателей. Начались покушения на должностных чинов, что рассматривалось как справедливая месть за чрезмерные жестокости властей. Все подобные акции предусматривались землевольческой программой, но отнюдь не ставились во главу угла. Например, Александр Михайлов понимал такие

действия как вынужденные меры «защиты себя от врага» [75]. Главная задача по-прежнему состояла в консолидации всех слоев российского общества для осуществления революции, в результате которой и будут уничтожены все защитники самодержавия.

Михайлов так объяснял причины усиления революционного терроризма: «Партия под влиянием тюремных драм, безжалостных приговоров, всевозможных преследований, стала чаще обращать гневные взоры на правительство. До той поры, в подготовительной работе, эта сила как-то игнорировалась; ее всякий ненавидел, презирал, но борьба с ней тотчас и непосредственно не считалась насущно необходимой... Правительство обходили для того, чтобы, заручившись союзниками, народом и обществом, ударить общей силой и разбить бездушного великана. Думали, что оно не представит препятствия успешному расширению партии и работе в народе. Но чем более жертв уносила эта темная сила, тем более зрела мысль отпора и защиты от ее цепких лап. В серьезном поступке первая Вера Засулич заявила это вновь определившееся настроение партии. Она была героем дня, и ее дело волновало партию и даже общество сильнее, чем какое-либо другое» [76].

За весь 1877 г. землевольцы совершили только один теракт: в июле был убит рабочий Николай Шарашкин, выдавший жандармам М.А. Натансона, организатора «Земли и воли». Но «после выстрела Засулич долго сдерживаемая энергия вырвалась наружу» [77], — отмечала Вера Фигнер. Вооруженные акции последовали одна за другой в провинции и столице империи [78]. Уже 30 января, через шесть дней после покушения на Трепова, в Одессе подпольный кружок Ивана Ковальского оказал при аресте коллективное вооруженное сопротивление. Были раненные и с той, и с другой стороны. В истории русского освободительного движения это первый подобный случай. До того революционеры мирно сдавались в руки властей, за исключением И. Мышкина и А. Цицианова. В 1878 г. вооруженные акции при арестах происходили семь раз [79], они «стали для народников-террористов как бы правилом чести» [80].

24 июля 1878 г. у здания военного суда, где слушалось дело Ковальского и его товарищей, произошла вооруженная демонстрация. В перестрелке ранили четырех солдат, среди демонстрантов оказалось десять раненых и двое убитых.

В Киеве зимой 1877—1878 гг. Валериан Осинский образовал так называемый южный Исполнительный комитет Русской социально-революционной партии, который провел целый ряд террористических акций. Михайловский в апреле 1878 г. уверял, что если не будут введены общественные формы представительства, то в стране возникнет «тайный комитет общественной безопасности». Его предвещание запоздало. Комитетчики 2 февраля в Ростове-на-Дону убили предателя Акима Никонова. 23 февраля в Киеве было проведено неудачное покушение на товарища киевского губернского прокурора М.М. Котляревского. Жертва не была убита и даже ранена. Зато 25 мая был убит адъютант киевского губернского жандармского управления барон Г.Э. Гейкинг. Наконец, 4 августа 1878 г. в Петербурге, на Михайловской площади Сергей Кравчинский заколол кинжалом шефа жандармов генерал-адъютанта Н.В. Мезенцева.

Война не на жизнь, а на смерть началась. Кравчинский в прокламации «Смерть за смерть», посвященной убийству жандармского

шефа, обращался к высшим государственным лицам: «До тех же пор, пока вы будете упорствовать в сохранении теперешнего дикого бесправия, наш тайный суд, как меч Дамокла, будет вечно висеть над вашими головами, и смерть будет служить ответом на каждую вашу свирепость против нас. Мы еще недостаточно сильны, чтобы выполнить эту задачу во всей ее широте. Это правда. Но не обольщайтесь, не по дням, а по часам растет наше великое движение. Припомните, давно ли вступило оно на тот путь, по которому идет. С выстрела Веры Засулич прошло всего полгода. Смотрите же, какие размеры оно приняло теперь! А ведь такие движения растут все с возрастающей силой, подобно тому, как лавина падает со все возрастающей скоростью. Подумайте: что же будет через какие-нибудь полгода, год?» [81] Эскалация насилия в стране достигнет максимального размаха. Пафос мщения и восстановления попранной справедливости переростет в идею террористской борьбы с самодержавной властью за демократизацию общества.

Правительство, отстаивая монархические основы своей власти, ответило на вызов террористов военно-окружными судами, ссылками на каторгу и виселицами. «У терроризма в России было два "автора", — полагал историк Будницкий, — радикалы, снедаемые революционным нетерпением, и власть, считавшая, что неразумных детей надо не слушать, а призывать к порядку. Даже если некоторых из них придется для этого повесить. Эта взаимная глухота, неспособность к диалогу приводили все к большему озлоблению обеих сторон, к новым виткам насилия» [82]. Бескомпромиссные и экстремистски настроенные революционеры объединились в Исполнительный комитет «Народной воли», который открыл динамитную охоту на царя. 1 марта 1881 г. Александра II убили на Екатерининском канале, но цареубийство не привело ни к каким позитивным обновлениям в жизни российского общества.

Засулич постфактум. За границей Вера Засулич при большой популярности в 1880-е гг. могла бы сделать выдающуюся карьеру в международном социалистическом движении. Но она старалась оставаться по возможности незамеченной и довольствовалась узким кругом друзей [83]. Европейцев «она поражала своей скромностью и беспритязательностью» [84].

Клеменц с долей иронии говорил ей: «Я то вас довольно знаю, а им невдомек, что вы ухитрились свою известность до зубовного скрежета возненавидеть» [85]. Когда парижские анархисты предложили ей принять участие в многотысячной демонстрации в ее честь, она категорически отказалась.

Между тем в политических движениях Засулич разбиралась весьма слабо. «Я в то время, — пишет она в мемуарах, — имела лишь смутное понятие как об анархии, так и о социал-демократии. Русская пресса не давала сведений о таких вещах, а попадавшие мне в руки заграничные издания давали слишком отрывочные» [86].

При расколе «Земли и воли» в августе 1879 г. Засулич нелегально приезжала на короткое время в Россию и присоединилась к «Черному переделу». С этого времени и на долгие годы она подпала под сильнейшее идейное влияние Плеханова. В личных письмах к «дорогому Жоржу» она ставила шутливую, но характерную подпись «Ваш хвост».

Вера Засулич, «мать терроризма», как ее называли, стала вскоре убежденной «противницей увлечения террористическими актами» [87]. После неудачного покушения Александра Соловьёва на государя она с жаром доказывала эмигрантам-чернопередельцам, что надо немедленно возвращаться в Петербург, чтобы не допустить последующих попыток цареубийства [88].

В 1883 г. в Женеве Засулич участвовала в создании первого русского марксистского сообщества — группы «Освобождение труда», так что ее по праву можно также назвать *матерью российской социал-демократии*. Засулич переводила на русский язык К. Маркса и Ф. Энгельса и переписывалась с ними [89]. Писала и сама сочинения марксистского толка.

Всю дальнейшую жизнь Засулич продолжала упорно осуждать террористскую борьбу с самодержавием. Она настаивала, что террор вреден в революционном движении, так как ведет к усилению государственных репрессий, и, как следствие, приводит к свертыванию агитационной работы в трудовых массах [90]. Особенно она восставала против терроризма в 1890-х — середине 1900-х гг., когда эсеры возобновили его с новой силой. Засулич выступила с рядом статей, доказывающих его несостоятельность, ибо, по ее мнению, общество перекладывает борьбу с царизмом на террористические организации, а само уклоняется от активных массовых выступлений. «Широкому развитию общественной активности и энергии, — писала она, — террор не только не содействует, а по самому существу своему не может не становить психологических препятствий... Террор несомненно очень волновал все жаждущее свободы русское общество, но это пассивное волнение, самодовлеющее, не толкающее к действию» [91].

В 1902 г. Засулич опубликовала на немецком языке в журнале «Die Neue Zeit» принципиальную статью «Террористическое движение в России», переведенную на русский язык лишь через 80 с лишним лет. В статье критиковались эсеры — террористы-эпигоны, «неудачные подражатели» «Народной воли» [92]. «Революционное нетерпение отдельных людей или очень маленьких групп проявлялось в России уже три четверти века тому назад, — указывала Засулич. — Теперь, когда новая Россия выступает на арену борьбы, когда боевой дух захватывает массы, настоящее место людей, готовых, пойти на жертву, в рядах этих масс. Задача героев состоит сегодня не в том, чтобы "мстить" за массы или "защищать" их, а в том, чтобы вдохновить их и вести за собой; нужно действовать не для масс, а в массах. К сожалению, все еще есть часть революционеров, которым кружит голову старое, когда-то оправданное, сегодня, к счастью, ложное представление о кучке героев и пассивной массе, и это побуждает их направлять движение по старому безнадежному пути» [93]. О своем знаменитом теракте автор предпочла не упоминать и не давать ему оценок.

В 1900 г. Засулич вошла в редколлегию социал-демократической общероссийской газеты «Искра» и журнала «Заря». Но она «осталась до конца старой интеллигенткой радикалкой, которую судьба подвергла марксистской прививке, — писал Лев Троцкий. — Статьи Засулич свидетельствуют, что теоретические элементы марксизма она усвоила превосходно. Но в то же время нравственно-политическая основа русской радикалки 70-х годов осталась в ней неразложенной

до конца. В интимных беседах она позволяла себе будировать против известных приемов или выводов марксизма. Понятие "революционер" имело для нее самостоятельное значение, независимое от классового содержания». «Писала она очень медленно, переживая подлинные муки творчества... Она наносила на бумагу по отдельной фразе, много ходила по комнате, шаркая и притаптывая своими туфлями, без конца дымила свернутыми от руки папиросами, нашвыривала во всех углах, на всех окнах и столах окурки и просто недокуренные папиросы, осыпала пеплом свою кофту, руки, рукописи, чай в стакане, а при случае и собеседника». «Она жила, одевалась и питалась, как скромнейшая из студенток. В области материальных ценностей ее высшими радостями были табак и горчица» [94].

На II съезде РСДРП в 1903 г. она примкнула к «искровцам меньшинства», полностью порвав с В.И. Лениным и став до конца своих дней принципиальной противницей большевизма-ленинизма. Разрыв произошел собственно еще за полгода до съезда, когда она с Ю.О. Мартовым и А.Н. Потресовым встала в резкую оппозицию к Ленину [95].

Впрочем, она противопоставила себя и Плеханову, который иронично заметил: «Вера Ивановна, видимо, приняла меня за Трепова!» Позднее они, правда, помирятся, заняв в 1914 г. оборонческую позицию по отношению к империалистической войне и отстаивая верность «союзническим обязательствам» [96].

В ноябре 1905 г. во время Первой русской революции, получив амнистию, Засулич возвратилась в Россию. С лета 1907 г. поселилась на хуторе Греково Тульской губернии, где занималась огородничеством и цветоводством. А в Петербург приезжала только на зиму.

Октябрьскую революцию она приняла крайне враждебно, считая ее контрреволюционным переворотом. «Нет у социализма в настоящий момент, — утверждала она, — более лютых врагов, чем господа из Смольного». Для старой революционерки новая власть была зеркальным отражением царской, усиленной большевицким террором. «Перевернутый мир не преобразился, — утверждала она. — На его месте стоит отвратительное громогласно лгущее, властвующее меньшинство и под ним громадное вымирающее от голода, вырождающееся с заткнутым ртом большинство» [97].

В советское время Засулич ютилась в Доме литераторов на Аптекарском острове, на набережной Карповка, откуда «желала со временем, быть переселенной на "Литературные Мостки" (на Волково кладбище); у нее было своего рода суеверное опасение, что с переселением из этого насиженного ею места на Карповке она непременно умрет» [98].

В январе 1919 г. районный совет выселил всех жильцов, и дом перестали отапливать. 70-летняя простуженная старуха перебралась в чердачную комнату во флигеле и заболела воспалением легких. Ухаживать за ней было некому [99]. Вот и «гордость человечества», чье имя, как обещал Кравчинский, «с благоговением будет повторяться из рода в род».

Она была из тех людей, кто пришел в этот мир не соглашаться, и мир в противоборстве ответил ей отчужденностью, нищетой, неустроенностью, одиночеством. «И умереть ей пришлось в очень тяжелых условиях» [100], -- свидетельствовал Лев Дейч. Скончалась Вера Засулич 8 мая 1919 года. Похоронена была за государственный счет, как она и хотела, на Волковом кладбище.

Биографические публикации о ней в советское время были весьма немногочисленны [101]. Они страдали односторонностью, неполнотой фактов и тенденциозностью. Под пишущими машинками ангажированных историков главная вина Засулич состояла не столько в терроризме, сколько в том, что «она совершила политическое грехопадение, порвала с революционным марксизмом и оказалась в лагере меньшевиков, в котором оставалась до конца жизни» [102].

За рубежом вышло несколько специальных работ, ей посвященных [103] или ее касающихся [104]. В постсоветское время в России появился ряд книг о Засулич [105]. Между тем подлинной научно-исследовательской монографии о Вере Ивановне Засулич до сих пор не написано.

Трепов постфактум. Сказался казус Засулич и на Трепове. После суда присяжных Кони навестил выздоравливавшего градоначальника и застал его в состоянии христианского смирения. Он благодарил Бога за оправдание террористки, но в то же время «с недоумением спрашивал, что он сделал присяжным и за что они его так жестоко оскорбили своим приговором?» [106]

Придворные враги, как известно, донесли Александру II о финансовых махинациях градоначальника, и монарх потерял доверие к своему верному генералу [107]. По воспоминаниям Новицкого, «личный кредит Трепова как у государя Александра II, так и в обществе пал и, по слухам, государь возлагал на шефа жандармов Мезенцова поручение собрать сведения о нажитых Треповым миллионах, и, как говорили и приходилось мне слышать от высокопоставленных лиц, имение Треповым в несколько миллионов состояния подтвердилось» [108].

Служебная участь Трепова в купе с неудовлетворительным состоянием столичной полиции обсуждалась на совещании у государя 15 апреля. Заседание прошло под впечатлением массовой демонстрации у Владимирской церкви. С резкой критикой выступил министр Тимашев, а треповский помощник генерал-майор Козлов, замещавший должность градоначальника на время отсутствия Трепова, заявил, что в случае его возвращения он отказывается от своего поста. Было решено приискать нового столичного генерал-губернатора [109]. Разумеется, служебные и денежные злоупотребления градоначальника на совещании не рассматривались. Но Трепов все равно считал себя жертвой обстоятельств и интриг.

Выйдя в отставку, он переехал в Киев с наездами в Петербург. В Киеве он поселился в своем доме на Печерске и стал прихожанином храма Спаса на Берестове.

К бывшему царскому сановнику часто обращались с просьбами многие простые люди, и он, несмотря на болезни и недуги, старался всем помочь. Трепов «человек по душе добрый, — писал Новицкий, — и всегда готовый выполнить просьбу каждого к нему обратившегося, какого бы он звания, происхождения и народности ни был, и во многом успевал ходатайствами и связями своими в С.-Петербурге» [110].

Трепов помогал восстанавливать Свято-Михайловский Выдубицкий монастырь, где похоронена его жена Вера Васильевна, урожденная Лукашевич, и свершил немало благого для обители.

Еще в конце 1860-х гг. Трепов сделал важное и доброе дело для киевлян: он отдал почти гектар своей усадебной земли, чтобы проло-

жить удобную для городского сообщения улицу близ Крещатика. Вначале она называлась Треповской, потом Коммунистической [111].

В 1881 г. прихожане церкви Спаса на Берестове решили возвести новый храм и обратились к Федору Федоровичу за помощью. Он охотно отозвался: пожертвовал тысячу рублей и возложил на себя обязанность собирать взносы от других лиц. Усилиями Трепова и крупных киевских меценатов в Мариинском парке в 1889 г. была поставлена церковь во имя Александра Невского. Сейчас на этом месте возвышается памятник генералу Н.Ф. Ватутину.

Через три месяца после освещения храма, 23 ноября 1889 г., Федор Федорович Трепов умер в кругу родных и близких. Упокоили его в фамильном склепе некрополя Выдубицкого монастыря.

Еще при жизни он обеспечил своих девятерых детей ежегодным доходом от 13 до 15 тыс. рублей. Все они заняли высокое положение в обществе. А старшие сыновья достигли блестящих служебных успехов. Федор был Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором и членом Государственного совета. Дмитрий Федорович, как и его отец, стал Санкт-Петербургским генерал-губернатором и, пользуясь расположением императора Николая II, был товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией и командующим Отдельным корпусом жандармов с оставлением в прежней должности.

О пули Засулич Трепов помнил всю жизнь. Пуля давила ему на нервные узлы, отчего «он и терпел невероятно мучительные боли» [112].

Итоги и перспективы. В казусе Засулич существенно не само покушение на царского чиновника, а причины и следствия теракта, реакция на него общества. В нем высветились насущные проблемы российского социума, требующие кардинального решения проблем: «самодержавие и общество», «самодержавие и реформы», «самодержавие и революционизм».

Выстрел Засулич стал «знамением времени». Он был вызван невозможностью добиться при царской системе власти справедливости и законности, неисполнимостью даже тех имперских законов, которые далеки от общегражданских форм правления. «Покушение Засулич — следствие чувства оскорбленной справедливости, — подчеркивал Будницкий. — Парадоксальным образом — этот абсолютно беззаконный акт стал своеобразным средством защиты закона и прав личности» [113]. Между тем, своеволие террористки противоправно в той же степени, что и самочинные действия представителя государства, которому доверено исполнение закона и который, переступив его, становится таким же законопреступником, как и революционер-злоумышленник. Неправомочны и те, и другие.

В стране отсутствовали правовые механизмы, регулировавшие конфликтные отношения личности и государства. Но беззаконие нельзя преодолеть, а тем более искоренить другим беззаконием. Насилие невозможно победить насилием, ибо его суть остается прежней. В чем Вера Засулич убедилась в итоге своей жизни.

В переплетении частных суждений и действий в связи с преступным деянием террористки явственно выявился разлад между монархическим правлением и насущными политическими потребностями пореформенной России. С отменой крепостничества в стране начался долгий процесс формирования вне и помимо высочайшего соизволе-

ния *гражданского общества*, отстаивающего парламентаризм, конституционное правление, гражданские права. Процесс многосложный, непоследовательный и строго контролируемый охранительными службами империи.

Между тем, коллективные выступления, вызванные делом Засулич, показали слабую подготовленность либеральной буржуазии к открытым выступлениям с демократическими требованиями, к публичному противостоянию самодержавию. Совместное действо либералов и революционистов на Владимирской площади оказалось единственной акцией, но и оно показало невозможность их объединения.

С другой стороны, покушение на высшего петербургского сановника было предопределено всем ходом народнического движения. На правительственный террор, исходивший из царского дворца, революционеры ответили тем же из подполья. Получался порочный круг — змея, кусавшая свой хвост.

Монархическая Россия пошла по пагубному пути насилия, дабы не допустить демократизации общества. Ни та, ни другая сторона не хотела и не могла пойти на уступки в силу своей социальной природы. Монархия всеми силами старалась не допустить демократизации страны, которая угрожала ей потерей самодержавных основ, а революционеры опасались утратить свой боевой дух. Этого же боялись землевольцы, развязавшие «красный» терроризм. Правда, «Народная воля» выдвинула политические требования, но добиться их попыталась теми же террористскими средствами, обещая перейти к «мирной» деятельности после достижения цели.

Правительственные репрессии загоняли болезнь российского общества вглубь. Карательными средствами царизм пытался понизить повышенную температуру социума, дабы он внешне казался монархически здоровым. В конце концов, принудительное «лечение» закончилось крушением самодержавной империи, гибелью царской фамилии и трагическим торжеством революционеров, завоевавших власть. Но их правление не привело и не могло привести к демократизации России и обернулось многомиллионными людскими жертвами.

Примечания

1. АПТЕКМАН О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг. 1924, с. 326.
2. К делу В.И. Засулич. Прокламация «Ко всем честным людям», с. 180.
3. РУСАНОВ Н.С. На родине. — Каторга и ссылка. 1929, № 5, с. 152—153.
4. ДЕЙЧ Л.Г. Валериан Осинский. 1859—1882. М. 1931, с. 29.
5. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М. 1947, с. 318.
6. КОРОЛЕНКО В.Г. История моего современника. В кн.: КОРОЛЕНКО В.Г. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М. 1954, с. 207.
7. Там же.
8. ТИХОМИРОВ Л.А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений. — Каторга и ссылка. 1926, № 3, с. 119.
9. Там же.
10. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 76.
11. Письмо Л.Н. Толстого — В.В. Страхову. 6 апреля 1878 г. ТОЛСТОЙ Л.Н. Собр. соч. в двадцати томах. Т. 17. М. 1965, с. 485.

12. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С. С.] Процесс первой русской террористки. — Голос минувшего. 1918, № 7—8, с. 151.
13. Вернадский Иван Васильевич — известный ученый, статистик, экономист. Отец В.И. Вернадского — ученого естествоиспытателя, мыслителя; дед Г.В. Вернадского — русского и американского историка.
14. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., кн. 2, с. 107.
15. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С. С.] Ук. соч., с. 150.
16. Авторство Михайловского «Летучего листка» удостоверяет Н.К. Бух. БУХ Н.К. Воспоминания. М. 1928, с. 165.
17. Летучий листок. 1878, апрель, № 1.
18. ЛЕВИН Ш.М. Две демонстрации. Исторические записки. Т. 54. М. 1955, с. 261.
19. ДРАГОМАНОВ М.П. За что старика обидели и кто его обижает? — Община. 1878, № 3—4.
20. МИХАЙЛОВ А.Ф. Автобиография. М. 1989, с. 149.
21. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания. М. 2000, с. 98.
22. Письма народовольца А.Д. Михайлова. Собрал П.Е. ЩЕГОЛЕВ. М. 1933, с. 222.
23. ПЛЕХАНОВ Г.В. Воспоминание об А.Д. Михайлове. В кн.: ПЛЕХАНОВ Г.В. Соч. Т. 1. М.-Пг. 1923, с. 161.
24. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания, с. 99.
25. Об авторстве Плеханова см.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Берлин. 1925, с. 211—213; ДЕЙЧ Л.Г. Г.В. Плеханов в «Земле и воле». В кн.: Группа «Освобождение труда». М.-Л. 1925, с. 54.
26. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу» по поводу оправдания В.И. Засулич, 1887, апрель, с. 55.
27. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг. М. 1969, с. 25.
28. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу по поводу оправдания В.И. Засулич, с. 54.
29. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова», 1878 г., январь, с. 49—50.
30. ТИХОМИРОВ Л. А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, с. 119.
31. Русская подпольная и зарубежная печать. М. 1935, с. 190.
32. ТИХОМИРОВ Л.А. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, с. 119.
33. ЕГО ЖЕ. Воспоминания, с. 98.
34. МИХАЙЛОВ А.Ф. Автобиография, с. 149; О таких же приготовлениях вокруг Владимирской площади писал В.Г. Короленко. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 214.
35. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы. В кн.: Либералы и террористы. М. 1890, с. 103.
36. ЕГО ЖЕ. Воспоминания, с. 98.
37. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 213.
38. Разные известия. — Начало. 1878, апрель, № 2.
39. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 103—104.
40. ПЛЕХАНОВ Г.В. Воспоминание об А.Д. Михайлове, с. 161.
41. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 104.
42. ЕГО ЖЕ. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений, с. 119.
43. Разные известия, с. 61.
44. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 104.
45. Разные известия, с. 61.
46. Государственный архив Российской федерации (ГАРФ), ф. III отд., 3 эксп., 1878 г., д. 68, ч. 7, л. 85, 115.
47. Письма народовольца А.Д. Михайлова. В кн.: ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. А.Д. Михайлов. М.-Л. 1925, с. 222.
48. КОРОЛЕНКО В.Г. Ук. соч., с. 215.
49. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 121.

50. ЛЕВИН Ш.М. Две демонстрации. — Исторические записки. Т. 54. 1955, с. 261.
51. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 104—105.
52. ПЛЕХАНОВ Г.В. Воспоминание об А.Д.Михайлове, с. 161.
53. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 121
54. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы, с. 105.
55. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1876—1878. М. 2009, с. 413.
56. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. В кн.: КОНИ А.Ф. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 60.
57. ЗАЙОЧКОВСКИЙ П.С. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М. 1964, с. 66.
58. ЧАРУШИН Н.А. О далеком прошлом. М. 1973, с. 267—268.
59. ТИХОМИРОВ Л.А. Заговорщики и полиция. М. 1930, с. 96.
60. Финал «Процесса 193-х». — Красный архив. 1928, № 5, с. 190—199.
61. ГАРФ, ф. 109. Секр. архив, оп. 1, д. 714, л. 14.
62. ТАТИЩЕВ С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Кн.2. М. 1996, с. 560.
63. Там же.
64. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883). М.-Л. 1927, с. 3.
65. Там же, с. 48.
66. ТРОИЦКИЙ Н.А. Царские суды против революционной России. Саратов. 1976, с. 219.
67. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу по поводу оправдания В.И.Засулич». 1878 г., апрель, с. 54.
68. Письмо С.И. Ивановского В.Х. Кравцову. 14 мая 1878 г. Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике, с. 210.
69. КУНКЛЬ А.А. Вокруг дела Веры Засулич. — Каторга и ссылка. 1928, № 1, с. 61.
70. Прокламация одесского кружка И.М. Ковальского «Голос честных людей» по поводу покушения В.И. Засулич на петербургского градоначальника Трепова. Около 30 января 1878 г. В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М. 1965, с. 51.
71. ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П. А.Д. Михайлов. Вступ. статья. В кн.: ПРИБЫЛЕВА-КОРБА А.П., ФИГНЕР В.Н. А. Д. Михайлов, с. 11.
72. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни, т. 2, с. 260, 277.
73. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С.М. Подпольная Россия. В кн.: СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ С. Соч. в двух томах. Т. 1. М. 1958, с. 388.
74. ДЕЙЧ Л.Г. Валериан Осинский, с. 27.
75. Показания А.Д. Михайлова на следствии, с. 122.
76. Там же, с. 121.
77. ФИГНЕР В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов, с. 232.
78. ТКАЧЕНКО П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876—1879). М. 1961, с. 264.
79. Календарь «Народной воли» на 1898 год. Женева. [1898], с. 155.
80. ТРОИЦКИЙ Н.А. Ук. соч., с. 75.
81. Смерть за смерть. Прокламация С.М. Кравчинского в связи с убийством Н.В. Мезенцева. 1878 г. В кн.: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Сборник документов и материалов. М. 2001, с. 45.
82. БУДНИЦКИЙ О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.) М. 2000, с. 48.
83. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Мои встречи с В.И. Засулич. В кн.: Группа «Освобождение труда». 1925, с. 71.
84. ФРОЛЕНКО М.Ф. Памяти отошедших. В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1932, с. 131.
85. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 77.
86. Там же.
87. ДЕЙЧ Л.Г. Г.В. Плеханов в «Земле и воле», с. 50.

88. ЕГО ЖЕ. Черный передел. В кн.: Историко-революционный сборник. Т. 2. Л. 1924, с. 278.
89. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. 1967.
90. СТЕПАНОВ А.Н. Социальные идеи В.И. Засулич. — Аспирантский вестник Поволжья. 2009, № 5—6, с. 84.
91. ЗАСУЛИЧ В.И. Выстрел Карповича. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Сборник статей. Т. 2. СПб. 1907, с. 398—399.
92. ЕЕ ЖЕ. Террористическое движение в России. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Избранные произведения. М. 1983, с. 373.
93. Там же, с. 380.
94. ТРОЦКИЙ Л.Д. Ленин и старая «Искра». В кн.: ТРОЦКИЙ Л.Д. О Ленине. Материалы для биографии. М. 2005, с. 16, 28.
95. ПОТРЕСОВ А.Н. Ленин. В кн.: ПОТРЕСОВ А.Н. Избранное. М. 2002, с. 284—285.
96. ЗАСУЛИЧ В.И. Верность союзникам. Пг. 1917.
97. Цитируется по: САВЕЛЬЕВ П.Ю. Засулич Вера Ивановна. В кн.: Революционная мысль в России XIX — начала XX века. Энциклопедия. М. 2013, с. 170.
98. ДЕЙЧ Л.Г. Вера Ивановна Засулич, с. 13.
99. КУРБАТОВА И.Н. Архив В.И. Засулич в Доме Плеханова, с. 147.
100. ДЕЙЧ Л.Г. Вера Ивановна Засулич, с. 13.
101. КУНКЛЬ А.А. Выстрел Веры Засулич. М. 1924; ЦЕДЕРБАУМ С. Женщина в русском революционном движении. 1870—1905. Л. 1927; КОВНАТОР Р.А. В.И. Засулич (К истории русской критики). В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Статьи о русской литературе. М. 1960; ДОБРОВОЛЬСКИЙ Е.Н. Чужая боль: Повесть о Вере Засулич. М. 1978; ФАЗИН З. Санкт-Петербургская быль: Документальная повесть. М. 1969; ХИГЕРОВИЧ Р. Жизнь для других. В кн.: Женщины русской революции. М. 1982; ШУБИНА Е.В. Философско-социологические взгляды В.И. Засулич (1867—1903). Л. 1984; ПАВЛЮЧЕНКО Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М. 1988; БОГДАНОВА Т.А. Засулич в российском революционном движении. Дисс. канд. ист. наук. Л. 1991.
102. КУРБАТОВА И.Н. В.И. Засулич и ее роль в распространении идей марксизма в России. В кн.: ЗАСУЛИЧ В.И. Избранные произведения, с. 25.
103. GEIERHOS W. Vera Zasulič und die russishe revjlutinare Bewegung. München-Wien. 1977; BERGMAN J. Vera Zasulich: A biography. Stanford. 1983; SILJAK A. Angel of Vengeance: The Girl Assassin, Who Shot the Governor of St. Petersburg and Russia's Revolutionary World. Daedalus Books. 2008.
104. KAPPELER A. Zur Charakteristik russischer Terroristen (1878—1887). In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Band 27 (1979), Heft 4; HILLYAR A. Revolutionary Women in Russia, 1870—1917. A Study in Collective Biography. Manchester. 2000.
105. КАРПИЛЕНКО Ю.С. «Дело» Веры Засулич: Российское общество, самодержавие и суд присяжных в 1878 г. Брянск. 1994; БУРИН С. Судьбы безвестные: Сергей Нечаев, Лев Тихомиров, Вера Засулич. М. 1994; ГОЛОВКОВ Г.З. Женское лицо русской революции. М. 2010.
106. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 101.
107. КРОПОТКИН П.А. Записки революционера. М. 1990, с. 221.
108. НОВИЦКИЙ В.Д. Из воспоминаний жандарма. За кулисами политики. М. 2001, с. 357.
109. МИЛЮТИН Д.А. Ук. соч., с. 413—414.
110. НОВИЦКИЙ В.Д. Ук. соч., с. 360.
111. СКУБА В. Меценатские «проекты» Федора Трепова. — День. 2010, № 138.
112. НОВИЦКИЙ В.Д. Ук. соч., с. 362.
113. БУДНИЦКИЙ О.В. Ук. соч., с. 46.